

Иосиф Дискин

КОНСЕРВАТИВНАЯ
МОДЕРНИЗАЦИЯ

Иосиф Дискин

Консервативная модернизация

АНО "Политическая энциклопедия"

2021

УДК 316.422
ББК 60.5:65.6

Дискин И. Е.

Консервативная модернизация / И. Е. Дискин — АНО
"Политическая энциклопедия", 2021

ISBN 978-5-8243-2444-0

Модернизация - насущные масштабные и динамичные социально-экономические и социально-политические преобразования - всегда сопряжена с уходом от стабильности и рисками срывов и национальных катастроф. Главный тезис книги И. Дискина: консервативная модернизация - путь к снижению рисков, наиболее эффективная стратегия преобразований. Автор, опираясь на научные концепции социологии, экономики и права, доказывает, что характер преобразований обязательно должен соответствовать макросоциальным и социокультурным условиям этих преобразований. Работа содержит конкретные характеристики такого соответствия, а также описание теоретико-методологических, институциональных и методических подходов к реализации стратегии консервативной модернизации. Книга ориентирована как на исследователей в области социальных наук, так и практиков, чьей задачей является реализация масштабных социально-экономических проектов. Modernization, which is an urgent large-scale and dynamic socio-economic and socio-political transformations, is always associated with a departure from stability' and the risks of disruptions and national disasters. The key thesis of I. Diskin's book says, that conservative modernization is a way to reduce risks and the most effective strategy for transformations. Relying on the scientific concepts of sociology, economics and law, the author proves that the nature of the transformations must necessarily correspond to the macrosocial and sociocultural conditions of these transformations. The work contains specific characteristics of this correspondence, as well as a description of theoretical, methodological, institutional and methodological approaches to the implementation of the strategy of conservative modernization. The book is aimed at both researchers in the field of social sciences and practitioners, whose task is to implement large-scale socio-economic projects.

УДК 316.422

ББК 60.5:65.6

ISBN 978-5-8243-2444-0

© Дискин И. Е., 2021

© АНО "Политическая
энциклопедия", 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1. Консервативная модернизация – история и методологические основания дискурса	12
Проблема модернизации	12
Сущностный консерватизм	16
Консервативный дискурс: российские истоки	25
Предпосылки внутренней логики	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иосиф Евгеньевич Дискин

Консервативная модернизация

*Amat victoria curam*¹

© Дискин И. Е., 2021

© Политическая энциклопедия, 2021

---

¹ Победа любит старание (*лат.*).

Введение

Эта книга является завершением достаточно большого и длительного по времени написания цикла, посвященного проблемам модернизации и сопряженным с ними вопросам². Более того, оглядываясь назад, осознаешь, что автор, не всегда отдавая себе в этом отчет, ничем другим, собственно, и не занимался последние четыре десятка лет³. В определенном смысле в этой работе предпринята попытка обобщить и продвинуть эти предшествующие усилия.

Как представляется, сегодня актуальность сделанного лишь возрастает. Уже три десятилетия наша страна не может вырваться из «ловушки среднего уровня развития». Соответствующие риски и вызовы достаточно подробно были рассмотрены в моей предшествующей работе⁴.

Сегодня крайне важно ответить на вопрос об эффективных путях динамичного и, что не менее важно, органичного развития нашего Отечества. Главный вывод, к которому приводят довольно длительные размышления, это заключение, что реального и устойчивого успеха можно добиться лишь в рамках модернизации *консервативной*. Об этом свидетельствует весь опыт успешных модернизаций, хотя и их лидеры и те, кто вкушает благодетельные плоды их результатов, могут даже не осознавать этого. Как не вспомнить молюеровского господина Журдена, который не знал, что говорит прозой⁵.

Проблема консервативной модернизации, которой посвящена данная работа, за прошедшие годы существенно поменяла свой статус и в исследовательском дискурсе, и в общественном сознании. Раньше, в условиях почти безраздельного доминирования либерального, точнее псевдолиберального, доктринерства, обращение к концепции консервативной модернизации скорее всего влекло за собой дискредитирующее обвинение. Обвинение, связанное как с недостаточной научной обоснованностью ее сторонников, так и с поддержкой социально-политических сил, препятствующих либерально-демократическому прогрессу России. Часто в ответ даже на попытки начать дискуссию относительно соответствующего подхода автор получал категорический отлуп: консервативная модернизация – «жареный лед» или, более изысканно, оксюморон.

Однако за последние годы ситуация существенно поменялась. Во-первых, начала сказываться рефлексия проблем развития во многих регионах мира. Все шире распространялось осознание, что либеральный извод модернизации далеко не всегда залог успешных реформ. Напротив, слишком часто преобразования, реализуемые по этим рецептам, торпедировались массовым сопротивлением, контрреформами, и страны отбрасывались назад на многие десятилетия. Пример – наша собственная страна, которая лишь относительно недавно превзошла многие социальные показатели предшествующего этапа – конца 80-х годов XX века. Памятный лозунг удвоения ВВП означал в сущности возврат к показателям того периода.

В теории также стали множиться сомнения относительно универсального характера соответствующих моделей развития⁶.

---

² См.: Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН, 2008. Более того, даже антология, подготовленная автором (Революция против свободы. М.: Европа, 2006), по сути, была посвящена спору между сторонниками различных путей развития России. Заключение же этой антологии (Дискин И.Е. В круге третьем) целиком посвящено этой проблеме.

³ См.: Дискин И.Е. В путях возмозмившего разума // Общественные науки и современность. № 4. 1988. Эта статья уже была результатом соответствующих длительных размышлений.

⁴ Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва». М.: Политическая энциклопедия, 2019.

⁵ См.: Мещанин во дворянстве. Мольер // Соч. / сост. А.М. Горбунов. М.: Книжная палата, 2003.

⁶ Обзору этих сомнений было уделено немало внимания в моих предшествующих работах.

Еще одним импульсом для упрочения статуса консервативной модернизации была необходимость широкого социального подхода. И теория, и практика стали убедительным доказательством, что модернизационные проекты охватывают широкий круг общественных отношений, а их ограничение лишь технократическими по своему характеру реформами ведет к значимым социальным и политическим просчетам. Хуже того, к социальным потрясениям и контрреформам.

Становилось все более очевидно, что стратегии преобразований прежде всего не хватало ее увязывания с ходом исторического процесса в его макросоциальном измерении. Сегодня мы видим, что успешное развитие возможно лишь при условии опоры на прочный фундамент предшествующего социального, культурного и экономического развития, на живые, глубоко укорененные ценности и традиции нашего народа. Без понимания и адекватного их учета стратегия развития превращается в продукт идеологического доктринерства, редко ведущего к реальному успеху. Много чаще к провалам и социально-политическому кризису.

Эти соображения казались несущественными в рамках либеральной догматики с ее представлениями о вневременных, «общечеловеческих» ценностях. Но при выходе за пределы этой догмы, сомнения в которой множатся и усиливаются, недостатки соответствующих подходов приобретают огромное, если только не решающее значение.

Таким образом, возникает необходимость в создании теоретико-методологических оснований и по возможности методических средств и инструментов консервативной модернизации. Этому, собственно, и посвящена данная работа.

В то же время продвижение в теоретико-методологическом обосновании консервативной модернизации наталкивалось на фундаментальную проблему. Она состояла в необходимости создания теоретических средств анализа влияния социокультурных процессов на характер развития, прежде всего на институциональное измерение этого развития.

Проблема усугубляется тем, что во всех мейнстримных концепциях развития игнорировалась взаимосвязь между характером социальных институтов, с одной стороны, и исторически обусловленными изменениями в социальном фундаменте, в характере социальных отношений, с другой. При таком понимании предполагается, что существует волюнтаристская свобода использования институциональных образцов при решении проблем модернизации. Российскому читателю хорошо известна цена такого волюнтаризма.

Для преодоления этого крайне значимого ограничения необходимо создать теоретическую конструкцию, позволяющую анализировать такого рода взаимовлияния. Частично такая работа, касающаяся связи институционального генезиса с исторически обусловленными процессами социальной трансформации, была представлена в моей соответствующей работе⁷. В ней сделан вывод о том, что специфика траектории социальной трансформации предопределяет характер используемых институтов. Соответственно, вряд ли возможно рассчитывать на успех преобразований, принципы которых кардинально игнорируют исторически сложившийся макросоциальный контекст. Такой подход традиционно связан с консервативным дискурсом.

В результате вся логика и результаты рассмотрения обсуждаемых выше проблем выступали важным аргументом в пользу консервативной модернизации. В этом же направлении двигало обсуждение причин трудностей, с которыми сталкивалась отечественная экономика. Значимым импульсом, задававшим характер такому обсуждению, стала пенсионная реформа, неоднозначно, мягко говоря, воспринятая общественным мнением.

Сегодня этот круг проблем предельно актуален при обсуждении задач нового витка российской модернизации, который получил название «российский прорыв»⁸. Скомканное начало

---

⁷ Дискин И.Е. Институты: загадка и судьба. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

⁸ Следует в этой связи подчеркнуть, что необходимость прорывного характера нашего развития отмечена в преамбуле

реализации «президентского указа» 2018 года активизировало обсуждение причин возникающих проблем и барьеров развития. Автор попытался внести свой вклад в эту дискуссию и как исследователь, и в качестве руководителя рабочей группы Общественной палаты Российской Федерации, подготовившей соответствующий Специальный доклад⁹. В монографии, посвященной проблемам «российского прорыва», как, впрочем, и в предшествующих работах, достаточно настойчиво обосновывалась идея, что подлинно успешной может быть только консервативная модернизация.

Все эти предпосылки просто подталкивали автора к обобщению опыта предшествующих подготовительных этапов и представить читателю сколько-нибудь целостное представление о принципах, теоретических и методических основаниях консервативной модернизации. Думается, что это обобщение может стать серьезным подспорьем в ходе практической реализации национальных целей, которые, как глубоко убежден автор, являются императивом развития нашей страны¹⁰. Достижения в их реализации, вне зависимости от возникающих препятствий, будут надолго определять ее исторические судьбы.

Еще одним, новым, импульсом для обсуждения проблем консервативной модернизации стала борьба с коронавирусной инфекцией. Многие люди начали задумываться над проблемами, которые отодвигались в рутине обыденной жизни. Это обстоятельство сделало ценностные механизмы социального регулирования фокусом актуальных исследовательских проблем.

Следует также учитывать и относительно новый, но не менее важный ориентир концептуализации консервативной модернизации. Ранее основные усилия сторонников этой концепции были сосредоточены на отграничении от адептов либеральной модернизации и от продвигаемых ими принципов. Сегодня же все более актуальным является размежевание с теми, кто под видом консервативной модернизации продвигает вполне ретроградные взгляды. Здесь налицо угроза, что вместе с водой либерального доктринерства будет выплеснут и ребенок – обоснование реалистичных путей столь насущного развития страны, экономики и общества.

Следует ясно понимать, что любые модернизационные подходы, вне зависимости от их концептуальных оснований, объединяет необходимость адекватного ответа на проблемы и вызовы национальной конкурентоспособности. Без ее достижения все вполне привлекательные лозунги национального суверенитета и выбора самостоятельных путей развития – дешевая демагогия, которая может нам всем очень дорого обойтись. Нас просто сомнут в глобальной борьбе, которая лишь обостряется и в которой сила – что военная, что социально-экономическая – становится все более весомым аргументом.

Когда приоритет национальной конкурентоспособности отбрасывается или хотя бы отодвигается на второй план в пользу сохранения любой ценой традиционных (зачастую даже мифологизированных) ценностей, норм и представлений, тогда эти воззрения трудно рассматривать в качестве относящихся к корпусу модернизационных.

Для того чтобы, как говорится, «отделить мух от котлет», необходимо разработать подлинно модернизационные подходы, позволяющие отграничить живые нормы и традиции, реально влияющие на суждения и действия, выступающие важным условием развития, от ретроградных измышлений, живущих лишь в идеологических конструкциях их носителей.

Нет, автор ни в малейшей степени не против философских и идеологических спекуляций. Они, безусловно, важный фактор развития, т. к. позволяют расширить горизонты этого развития. Вопрос лишь в том, чтобы не преувеличивать их влияние на ход вполне конкретных модернизационных процессов.

Указа Президента России о национальных целях развития на период до 2030 года.

⁹ См.: Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва»; Российский прорыв и задачи гражданского общества. Специальный доклад ОП РФ. 2019 // www.oprf.ru.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». 21 июля 2020 года.

Наша история знает много примеров, когда увлечение философскими и идеологическими конструкциями сбивало прицел в выстраивании реалистичных стратегий развития.

В связи с этим главной задачей, как представляется, является выявление содержательной специфики собственно консервативной модернизации, отличающей ее от иных ориентиров развития. Такая постановка задачи приводит нас к необходимости осознания специфики консервативного подхода к развитию, который не может сводиться лишь к негативистскому отношению к оппонирующим концепциям: либерализму, социализму и иным аналогичным конструкциям. Всех их, как будет показано, характеризует ориентир на воплощение идеологически сформированных целей.

Нам предстоит обосновать, что консервативный подход является не просто альтернативой, он ортогонален этим концепциям. Для развертывания такого понимания нам очень поможет оппозиция принципов развития: телеология против генетики, анализ которой был стержнем нашей предшествующей работы¹¹.

В рамках же размежевания со сторонниками либерального догматизма возникает совсем не простая задача выявления соответствующих, чаще всего латентных интенций в стереотипах современной социальной мысли. За многие десятилетия доминирования либерального догматизма многие социальные дисциплины буквально впитали в себя соответствующую аксиоматику. Зачастую аналитики, заявляющие о своей принадлежности к консервативному лагерю, выдвигают концепции, насквозь пронизанные либеральной догматикой.

Задача расчистки целого ряда научных дисциплин от доктринальных либеральных заимствований и наслоений крайне необходима, т. к. без нее сложно создать надежный теоретико-методологический арсенал консервативной модернизации.

Это соображение приводит нас к необходимости вычленив методологическую специфику, проистекающую из консервативной концептуальной ориентации. Это позволяет выделить достижения тех научных направлений, которые развивались ранее или продолжают развиваться в настоящее время, и при этом созвучны консервативному дискурсу. Это позволит использовать заложенный в них теоретико-методологический потенциал, что может немало способствовать теоретическому продвижению в развитии концепта консервативной модернизации.

Следующим этапом нашего рассмотрения станет проработка социологических оснований консервативной модернизации. Здесь прежде всего встает вопрос о корректировке теоретико-методологических ориентиров социологических исследований, призванных стать содержательным и эмпирическим основанием соответствующей стратегии развития. Будет предложена достаточно развернутая программа консервативного поворота социологических исследований, адекватных принципам консервативной модернизации.

Важным этапом нашего обсуждения является встраивание концепта консервативной модернизации в рамки процессов социальной трансформации. Именно здесь возникают возможности создания теоретических подходов, позволяющих связать вопросы социокультурного развития, с одной стороны, и институциональный генезис, с другой.

Ранее мы не раз обращались к проблеме разработки адекватной модели социальной трансформации¹². Теперь мы пытаемся более конкретно показать, каким образом исторически обусловленные процессы социальной трансформации создают рамки, «коридоры возможного» для консервативной модернизации, для ее институционального измерения.

Адекватный анализ функционирования системы социальных институтов – опоры любых модернизационных проектов – необходимое условие успеха.

---

¹¹ Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

¹² Здесь читателя можно отослать прежде всего к следующим работам автора: Дискин И.Е. Институты: загадка и судьба; Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

Завершает наше предстоящее рассмотрение комплекс достаточно конкретных методических подходов, направленных на реализацию изложенных выше принципов и теоретических представлений. Их задача помочь тем исследователям и практикам, которые готовы реализовать рассмотренные консервативные подходы, направленные на создание динамичных и устойчивых путей развития нашей страны.

Хотелось бы надеяться, что предложенные посильные соображения послужат опорой для тех, кто готов принять консервативные ориентиры в качестве основы своей исследовательской и гражданской активности. Эта активность способна придать значимый импульс столь необходимому общественному диалогу о выработке конкретных и практических путей насущных преобразований различных сторон нашей жизни.

Как уже отмечалось, важным импульсом для написания данной работы явилась подготовка Специального доклада Общественной палаты Российской Федерации «Российский прорыв и задачи гражданского общества». Многие идеи, развернутые в данной работе, появились в ходе подготовки этого доклада, дискуссий с членами соответствующей Рабочей группы.

Хотелось бы в связи с этим выразить огромную благодарность тем друзьям и коллегам, без интеллектуальных импульсов которых представляемая читателю работа вряд ли была бы возможной: Олегу Агапову, Владимиру Винницкому, Игорю Задорину, Алексею Зудину, Степану Львову.

Отдельно хотелось бы поблагодарить за стимулирующую роль, которую при подготовке данной работы сыграли результаты многолетних систематических дискуссий с моими давними друзьями Оксаной Гаман-Голутвиной и Львом Якобсоном.

При этом, конечно же, вся ответственность за огрехи и просчеты остается на авторе.

Глава 1. Консервативная модернизация – история и методологические основания дискурса

Проблема модернизации

Обсуждение концепции консервативной модернизации следует начинать с понимания необходимости самого концепта модернизации. В нашей стране этот концепт в последние годы приобрел некоторую негативную коннотацию в связи с его связью с зарубежным идеологическим влиянием.

В связи с этим следует подчеркнуть, что само развитие Т. Парсонсом в 50-х годах прошлого века идей М. Вебера о модернизации как переходе от традиционного общества к индустриальному действительно было в значительной мере стимулировано логикой жесткой идеологической борьбы с марксизмом.

Аналогичные стремления стали также побудительным мотивом для известной работы У. Ростоу «Стадии экономического роста», которая была призвана создать универсальные рецепты развития, противостоящие популярным в тот период идеям планового хозяйства¹³. К этим идеям тогда обращались не только отдельные развивающиеся страны, но и такие влиятельные институты, как ООН¹⁴.

Здесь нет необходимости возвращаться к обзору теорий модернизации и смежных научных подходов. Соответствующая попытка была предпринята нами ранее¹⁵.

В рамках критики использования модернизационного концепта часто используется достаточно основательный аргумент, что теория модернизации, получившая довольно активное развитие в 60-х – 80-х годах прошлого века, сегодня уже ушла из фокуса научных исследований.

Это отчасти справедливо. Но следует учесть, что, во-первых, данный концепт довольно глубоко укоренился в социально-политическом мейнстриме. Подтверждением этого является активное использование лозунга модернизации в период президентства Д.А. Медведева. Затем этот лозунг ушел с политической авансцены, но при этом уже трудно игнорировать его концептуальное влияние, т. к. на смену ему не пришел какой-либо новый концепт, связанный с комплексной выработкой ориентиров развития. Все частные характеристики процессов развития, включая сюда такие очень модные сегодня концепции, как «индустрия 4.0», «цифровизация» и т. д., не отменяет нужды в обобщающем концепте.

Здесь не помогает даже очень важный концепт национальной конкурентоспособности. Значение национальной конкурентоспособности как императива нашего развития было разобрано в предшествующей работе¹⁶. Он не выступает заменой стратегии модернизации, т. к. не охватывает общих рамок преобразований, однако, что существенно, становится важным защитным бастионом модернизации.

Критерии и индикаторы национальной конкурентоспособности позволяют отражать наскоки догматиков и демагогов. Их аргументы против модернизации, рассмотренные с точки зрения критериев национальной конкурентоспособности, позволяют увидеть, что за патриоти-

---

¹³ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth // The Economic History Review. New Series. Vol. 12. № 1. 1959. P. 1–16.

¹⁴ С.С. Шаталин рассказывал мне, что Генеральный секретарь ООН У Тан по рекомендации нобелевского лауреата в области экономики нашего соотечественника В.В. Леонтьева обратился к советскому руководству с просьбой, чтобы С.С. Шаталин (к тому времени уже лауреат Государственной премии СССР) возглавил подготовку плана развития для Африки.

¹⁵ См.: Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. С. 18–46.

¹⁶ Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

ческой риторикой скрываются рецепты, следование которым прямой путь к национально-государственной катастрофе.

При этом диалог с теми, кто относит себя к консервативному лагерю, показывает, что их предубеждение против самого термина «модернизация» столь велико, что они практически не готовы выслушивать какие-либо аргументы. В то же время они настаивают на необходимости «величия России», на динамичном развитии страны. Обсуждение же конкретики, путей реализации этих целей чаще всего показывает, что эти «мелочи» не находятся в центре их внимания.

Все это наводит на мысль, что нам сегодня необходим «деятельный консерватизм», который заменит досужие размышления, не связанные с конкретными задачами развития страны.

Эти соображения выступают значимым для автора аргументом, для того чтобы сохранить используемый им в течение уже довольно длительного времени концепт модернизации в качестве основания, обеспечивающего интегративный характер процессов государственного, экономического, социального и политического развития, снижения рисков, связанных с внешними и внутренними вызовами. Другое дело, что адекватность этого концепта может обеспечить лишь его существенное развитие, учитывающее современные вызовы и обоснованную критику.

Соответственно, в рамках этой исследовательской программы важно проанализировать основания модернизационного концепта, выделить его сущностное ядро, отделить от него включения, связанные с идеологическим мейнстримом, характерным для предшествующего периода развития концепта модернизации и его теоретического наполнения. Такой подход позволяет создать теоретико-методологические основания для консервативной модернизации.

Главный, вполне справедливый упрек данной концепции состоял в том, что основные модернизационные проекты оказываются тесно связаны с определенными идейно-политическими установками. Важной предпосылкой большинства известных модернизационных проектов является сильная идейно-политическая мобилизация. Это объединяет проекты, в основе которых лежат как социалистические, так и либеральные идеалы.

Для отечественного читателя вполне понятен аргумент, что основные отечественные модернизационные проекты были воплощением определенных идеологических конструкций¹⁷. Типологически гайдаровские реформы 1990-х годов в большой степени совпадали с советской модернизацией 30-х. Соответственно, гуманистически ориентированные аналитики высказывали упрек, что модернизационные проекты, базирующиеся на так называемых больших нарративах, сопряжены с большими социальными издержками.

Но при этом отказ от стратегии развития, призванной обеспечить интегральный рост национальной конкурентоспособности, неизбежно ведет к национальной катастрофе. В современном мире, где стремительно меняется расстановка сил основных геополитических игроков, слабеющую гигантскую страну с ее богатейшими ресурсами ждет незавидная судьба. Слабых быют всегда. Наша собственная история дает нам тому многочисленные примеры. В современных условиях наш упадок чреват катастрофой.

Но насущная необходимость повышения национальной конкурентоспособности на основе ускорения развития, точнее выхода из затянувшейся стагнации, усугубленной спадом, обусловленным борьбой с пандемией коронавируса, не означает, что здесь приемлемы любые издержки. Развитие, связанное с большими внутренними социальными и, соответственно, социально-политическими напряжениями, создает риски катастрофы иного рода.

Мобилизационные модели, к которым призывают отдельные эксперты, в качестве необходимого условия требуют идейно-политической мобилизации. Но такая мобилизация, как уже не раз достаточно подробно разбирал автор, неизбежно связана с усилением репрессий

---

¹⁷ Этой проблеме был посвящен целый сборник, см.: Pro et Contra. № 3. 1999. Три века отечественных реформ.

по отношению к инакомыслящим¹⁸. Как любят шутить шахматисты, «эта комбинация с дыркой». Вместо рывка можно получить политический взрыв и национально-государственную катастрофу.

Собственно, проблема снижения социальных издержек при реализации проектов развития, поиска разумного баланса между необходимостью повышения национальной конкурентоспособности, с одной стороны, и сохранения социально-политической стабильности, с другой, побуждает к поиску новых подходов к формулированию стратегии развития.

Дальнейший анализ призван показать, что концепция консервативной модернизации отвечает выдвинутым выше критериям и требованиям.

Для формирования продвинутой концепции консервативной модернизации в нашей стране сегодня сложились значимые предпосылки.

Прежде всего, все яснее становится исчерпанность, более того, взрывоопасность инерционного сценария, следования идеологической магистрали либеральной, точнее псевдолиберальной догматики. Социальные взрывы, потрясающие самые основания социального порядка в США, выступают серьезным подтверждением данного тезиса.

Социально-политические потрясения исторически всегда порождали консервативно ориентированную рефлексию социальных представлений, лежащих в основе существующего общественного устройства. Разрушаются нормы обыденности, срываются идеологические покровы и стереотипы, многие начинают рассуждать о проблемах, которые раньше лежали вне поля зрения.

Социально-политический активизм, нетерпение, свойственное молодым поколениям и слоям, не стремящимся осмысливать собственный жизненный опыт, чаще всего генерирует радикальные воззрения, соответствующие, достаточно примитивные рецепты решения накопившихся проблем и противоречий.

Но значимая часть общества все же не готова рисковать своим, пусть даже очень скромным, благополучием. Она, как показывает история, генерируют спрос на стабильность, на снижение неопределенности.

Параллельно, в глубинах социальной жизни обобщенного Запада, да и в нашей стране формировался протест против «либерального» прессинга, лишавшего легитимности многие ценности и представления, которые составляли фундамент сознания. Этот протест, в свою очередь, связан с требованиями, традиционно соотносимыми с консерватизмом.

Такая общественная атмосфера, как правило, генерирует вполне глубокие рассуждения, чаще всего связанные с консервативным дискурсом. Многие аналитики отмечают, что формируется запрос на обновленный консерватизм, способный задать ориентиры эффективного развития.

Но и сам консервативный дискурс, длительное время оттесненный на периферию интеллектуального мейнстрима, тем не менее не стоял на месте.

Соответственно, развитие концепции консервативной модернизации базируется прежде всего на предшествующих и актуальных продвижениях консервативного осмысления быстро меняющейся реальности.

Консервативная концептуализация призвана создать основу для того, чтобы перестроить сложившуюся структуру методологического и теоретического дискурса целого ряда социальных дисциплин с тем, чтобы на этой основе стало возможным дисциплинарное наполнение концепта консервативной модернизации.

---

¹⁸ Альтернативы институциональной реконструкции и риски репрессий в ходе определенных сценариев этой реконструкции достаточно подробно рассмотрены в: Дискин И.Е. Институты: загадка и судьба. М.: Политическая энциклопедия, 2016; Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

Многие из современных научных дисциплин насквозь пронизаны либеральной догматикой. Эта их связь сегодня в силу определенных, рассмотренных ниже условий даже не рефлексируется. Для наполнения концепции консервативной модернизации значительными достижениями различных социальных дисциплин необходима серьезная методологическая и теоретическая рефлексия, направленная на очищение зерн истины от плевел инородных доктринальных заимствований.

В свою очередь, концепт консервативной модернизации с его прикладной направленностью призван сформировать запрос на развитие рассматриваемых научных направлений с тем, чтобы они могли стать теоретическим и методическим инструментарием, способным содержательно наполнить анализируемый концепт.

Примером, призванным прояснить задачу отделения «зерн от плевел», является концепт, связанный с рассмотрением рациональности в качестве фундаментального, почти тотального, основания социального действия. Именно абсолютизация индивидуального рационального выбора долгое время преобладала в основаниях целого ряда научных дисциплин.

Отклонение от моделей социального действия, основанных на рациональности, рассматривалось в рамках социальных и гуманитарных дисциплин как девиантность, если не криминальность. Страсти и аффекты – пережитки традиционного человека, допустимы в литературе, живописи или в опере вкупе с иной музыкой, но не в практике современной социальной жизни.

Ситуации, когда во многих странах социально-политические страсти разбивали вдребезги мудрые конструкции путей преобразования, длительное время просто игнорировались как несущественные издержки на единственно верном пути глобальной модернизации. При этом следует отметить, еще на рубеже веков, в условиях доминирования либеральных концепций модернизации, лидеры, реализовывавшие масштабные преобразования в своих странах, высказывали сомнения в концептуальной обоснованности соответствующих рекомендаций.

Так, М. Махатхир был предельно четок, заявляя, что «азиатские страны могут и должны проводить “модернизацию” без принятия всех или хотя бы части ценностей европейской цивилизации»¹⁹. Для нашего обсуждения примечательно то, что тогдашний и сегодняшний лидер Малайзии ставит знак тождества между «европейскими ценностями» и либерализмом, который лежал в основе критикуемых им концепций модернизации. Следует отметить, что возврат М. Махатхира, бенефициара прежней модели либеральной глобализации, к власти в Малайзии – немаловажное свидетельство того, что даже относительно успешное следование соответствующим концептам порождает глубокие противоречия. Эти противоречия такой глубины и масштаба, что очень немолодой, мягко говоря, политик²⁰ был вынужден вернуться к кормилу власти ради их преодоления.

Все это означает, что после «отделения зерен от плевел» необходимо создать более прочные основания для выработки реалистичных концепций развития. Соответственно, важно обращаться к существенно более широкому, чем только рациональность, спектру мотивов и стимулов социального действия.

Из сказанного можно сделать вывод, что разработка основательной концепции модернизации, модели развития, отвечающей внешним и внутренним вызовам, предполагает серьезную ревизию самих ее концептуальных оснований с тем, чтобы ненароком не занести в нее инфекцию чуждых влияний.

---

¹⁹ Цит. по: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2005. С. 235.

²⁰ М. Махатхир родился в 1925 году.

Сущностный консерватизм

Акцент на сущностном, конструктивном характере консервативных оснований развития обусловлен тем, что многие консервативные мыслители сосредоточивали свои размышления прежде всего на критике либеральных и социалистических оппонентов, на отрицании всей концептуальной магистрали, истоки которой сформировались еще в эпоху Просвещения.

Сегодня базовые положения консерватизма формулируются именно через отрицание базовых постулатов идеологических конкурентов. К. Мангейм характеризовал эти процессы концептуализации консерватизма следующим образом: «Итак, ситуация выглядела следующим образом: под идеологическим давлением французской революции в Германии развивалось противодвижение мысли, сохраняющее длительное время чисто интеллектуальный характер и вследствие этого способное к наиболее полному развитию собственных логических предпосылок. Это движение было “продумано основательно и до конца”. Контрреволюция появилась не в Германии, но именно там были наиболее точно продуманы ее лозунги и извлечены из них логические выводы. Главный фактор пришел из Англии – в то время значительно более зрелой политически по сравнению с Германией.

Автором был Бёрк. Немцы внесли в этот процесс “основательного продумывания до конца” философскую глубину и усиление начатых Бёрком тенденций, соединив их с чисто немецкими компонентами»²¹. Как результат, «историзм» как метод и как философское воззрение вытекает из немецкой консервативной мысли и появляется окончательно в Англии как эффект немецких влияний²².

Для нас эти замечания важны, во-первых, указанием на стимулирующую роль социальных потрясений в выработке консервативной концепции и, во-вторых, в связи с рассмотрением исторической экономической школы, зародившейся в Германии во многом благодаря интеллектуальным процессам, охарактеризованным К. Мангеймом.

С этих же позиций атаковали либеральную демократию и американские неоконсерваторы. Так, для С. Хантингтона демократия «хороша» лишь до определенных пределов, после чего превращается в свою противоположность. Поэтому стабильность государственного строя требует определенной степени неучастия граждан в демократическом процессе²³. Разумность народа «как основа законного конституционного правления» оценивается скептически. Соответственно, общественное мнение предлагается дифференцировать на «истинное» и ложное, пронизанное эмоциями и аффектами.

Следует отметить, что такая логика развития консервативной мысли в большой степени обусловила формирование ситуации, когда консерватизм лишь оппонирует альтернативным позициям и в результате оказывается лишен своего собственного специфического содержания.

В поддержку этого важного утверждения можно сослаться на известный тезис С. Хантингтона: «В этом отношении консерватизм отличается от всех прочих идеологий, кроме радикализма: ему не хватает того, что можно было бы назвать сущностным идеалом»²⁴. Представляется, что этот тезис классика консервативной социологии, связанный с его посылкой, что консерватизм является ответом на проблематизацию системы социальных институтов, крайне важен для нашего обсуждения.

---

²¹ Мангейм К. Консервативная мысль // http://ecsocman.hse.ru/data/202/930/1219/019_mangejm_Klassiki_sotsiologii.pdf. С. 131.

²² Там же.

²³ См.: Huntington S.P. The Democratic Distemper // Public Interest. 1975. № 41. S. 37.

²⁴ Хантингтон С. Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. № 1. 2016. С. 235.

Для нашего последующего анализа сущностных характеристик консерватизма большой интерес представляет позиция Карла Мангейма, сформулированная ученым в его работе «Консервативная мысль»²⁵. К. Мангейм характеризует свой подход следующим образом: «Ядро этого способа – концепция стиля мышления. История мысли рассматривается при таком подходе не как обычная история идей, а через анализ различных стилей мышления, их рождения и развития, слияния и упадка; ключом к пониманию изменений мысли служит меняющийся общественный фон, прежде всего судьба классов и общественных групп, которые выступают “носителями” этих стилей мышления»²⁶. В этом пояснении, связанном с анализом влияния общественного фона, следует отметить определенное родство марксистской идеологии (носителем которой был автор цитаты. – И.Д.) и консерватизма.

Аргументируя свой подход, К. Мангейм указывал: «Романтизм – европейское явление, которое возникло более или менее в один и тот же период во всех странах; отчасти как реакция на идентичные обстоятельства и проблемы, связанные с рационализированным миром капитализма, отчасти же как результат вторичных идеологических влияний. Основная причина этого распространенного исторического явления, таким образом, общая и состоит в общем сходстве глобальной ситуации в различных странах Запада»²⁷.

Одновременно здесь следует указать на определенное родство концепции «стилей мышления» с подходом М. Фуко, который указывал на то, что в основе определенных научных концепций лежат эпистемы – «исторические априоры», «которые в каждый исторический период определяют возможности мнений, теорий и даже наук как таковых»²⁸. В своем анализе, вскрывающем содержание эпистем, лежащих в основании соответствующих концепций, М. Фуко показывал влияние доминирующих общественных проблем на характер дискурса, задававшего ориентиры формирования соответствующих научных подходов.

Резонирующий характер концептуальных выводов этих двух достаточно расхоdivшихся в своих воззрениях мыслителей выступает дополнительным аргументом для того, чтобы и далее обращаться к обсуждаемому подходу.

Принципиально важно, какого рода ответы предлагает сам консервативный дискурс. Здесь снова можно вернуться к обзору концепций консерватизма, проведенному С. Хантингтоном: «Среди авторов, принимающих все три определения консерватизма, существует определенное соглашение о существовании основных компонент консервативной мысли, в качестве которых выступают основные элементы теории Бёрка.

(1) Человек по своей сути животное религиозное, и религия является основой гражданского общества. Божественная санкция пронизывает существующий законный социальный порядок.

(2) Общество является естественным, органичным продуктом медленного исторического развития. Существующие институты воплощают мудрость предыдущих поколений. Право является функцией времени. “Право давности”, по словам Бёрка, “является самым веским из всех правооснований”.

(3) Человек есть существо, сотканное из инстинктов и эмоций, равно как и из разума. Благоразумие, предрассудок, опыт и привычки являются лучшими путеводителями, нежели разум, логика, абстракции и метафизика. Истина существует не в виде универсальных положений, но в конкретном опыте.

(4) Сообщество важнее индивида. Права людей проистекают из их обязанностей. Зло коренится в человеческой природе, а не в каких-либо конкретных социальных институтах.

²⁵ http://ecsocman.hse.ru/data/202/930/1219/019_mangejm_Klassiki_sotsiologii.pdf

²⁶ Мангейм К. Консервативная мысль. С. 126.

²⁷ Там же. С. 129.

²⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. А-сэд. СПб., 1994. С. 365–366.

(5) Отвлекаясь от конечного морального чувства, нужно признать, что люди не равны. Социальная организация является сложной и всегда включает в себя множество классов, рядов и групп. Дифференциация, иерархия и лидерство являются неотъемлемыми характеристиками любого гражданского общества.

(6) Существует презумпция “какой-либо устоявшейся схемы управления, против любого неиспытанного проекта”. Людские надежды велики, но их прозорливость мала. Усилия, направленные на устранение существующих зол, как правило, приводят к еще большему злу»²⁹.

Следует обратить внимание, что консенсус относительно концептуальных основ консерватизма строится на основании двух кардинально различающихся оснований: нормы и процесса. Представляется, что Бёрк (в интерпретации С. Хантингтона) в соответствии с канонами философской мысли стремился дать нормативные определения. Эти нормативные определения были, как уже отмечалось, являлись негативной рефлексией соответствующих постулатов оппонентов.

В то же время специфика консервативного взгляда диктовала и иной подход к концептуализации – выделение общественной органики и, соответственно, генетики как принципа развития, приводящего к наилучшим результатам. Совершенно не случайно в основе консенсусной концептуализации лежат социально-исторические процессы. Также важно отметить фокус консерватизма на нравственном развитии, противопоставляющий консерватизм его альтернативам, ориентированным на идеологические основания своего дискурса.

Для нас важно выделить еще одно очень важное отличие консерватизма. Оппонирующие ему идеологии характеризует концептуальный отрыв нормативных представлений об институциональных образцах, с одной стороны, от социально-исторического контекста, с другой. При таком подходе существует свобода использования институциональных образцов, требующая лишь «прогрессивных» взглядов и политической воли лидеров преобразований. Такой иллюзорный, чаще всего догматически обусловленный волюнтаризм, сталкиваясь с «косной» социальной реальностью, неизбежно генерирует социальные напряжения, вплоть до национальной катастрофы. За догматическое политическое своеволие приходится дорого платить жертвам преобразований.

Этот отрыв вполне объясним для доктринального либерализма. Здесь при выборе институциональных образцов превалируют ценностно-идеологические критерии. Прежде всего, соответствие ценностям свободы и демократии, оторванным от реального контекста их социального бытования. При этом справедливости ради следует отметить, что в ряду либерального доктринерства, которое характеризуется как наличием внеисторических, «общечеловеческих» ценностей, так и аналогичными внеисторическими нормативными институциональными образцами, появились знаменитые «отступники»³⁰. В работе, подготовленной коллективом, возглавляемым гуру институционализма Д. Нормом, достаточно развернуто показано большое число примеров того, как институциональное развитие было связано с теми или иными сторонами социального развития.

Представляется, что появление этой ставшей знаменитой работы стало приговором доктринальному либерализму. В этой связи становится вполне уместной ремарка президента В.В. Путина, что «либерализм изжил себя окончательно»³¹.

Казалось бы, этим теоретическим «грехом» не должны страдать марксисты – приверженцы исторического материализма. В их доктринальном основании лежит идея, что в основе общественного развития лежат противоречия между производительными силами, с одной сто-

²⁹ Хантингтон С. Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 233.

³⁰ Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

³¹ Владимир Путин. Интервью газете The Financial Times // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836>

роны, и производственными отношениями – с другой. При этом в качестве главной производительной силой является человек. К этому тезису следует добавить и оппозицию взглядам Л. Фейербаха К. Маркса, который подчеркивал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³². Легко представить, что развитие этой концепции могло привести марксизм к выстраиванию искомой теоретической конструкции.

Однако марксистская теория пошла по иному пути. Борьба за диктатуру пролетариата и национализацию экономики обусловила фокусировку на узком спектре институциональных образцов. Исторический материализм превратился в «фиговый листок», прикрывающий радикальное доктринерство, но обеспечивающий марксистскую легитимность.

Не избавились от этого греха и сторонники миросистемного анализа, жесткие, казалось бы, оппоненты и либерализма, и ортодоксального марксизма. В рамках этого направления были реализованы макроисторические подходы, позволяющие рассматривать длительные процессы развития целостных геосистем. Важным достижением этого теоретического подхода стало преодоление узко дисциплинарного подхода и требование широкого общесоциального взгляда на социальное развитие, не ограниченного «вневременными истинами»³³.

Но сужение И. Валлерстайном фокуса исследования на рыночных отношениях, на стремлении капитала к неограниченному росту кардинально сузили каузальные основания анализа, и его замечательные, зачастую пророческие наблюдения не вполне четко вытекали из его же теоретических обоснований.

Думается, что эти теоретические «грехи» вовсе не случайны. Они, как представляется, обусловлены тем, что проблема «коридоров возможного», учета всего комплекса социальных ограничений институциональных преобразований игнорировалась. Но эта проблема соответствия институтов наличным социальным предпосылкам тем не менее остается в центре внимания реалистичной и социально ответственной стратегии развития. Без ее решения велики риски неосновательного разрушения социальной системы, бережное отношение к которой было, как уже отмечалось, отличительной чертой консерватизма.

В этом контексте важно подчеркнуть, что консерватизм качественно отличается от оппонирующих ему идеологий. «Все общепринятые идеационные идеологии современного западного общества подходят к существующим институтам с позиций “требования должного”, – чтобы институты были реорганизованы с тем, чтобы соответствовать ценностям идеологии»³⁴.

В оппозиции телеология – генетика все общепринятые идеационные концепции ориентированы на телеологическую, оппонирующую консерватизму парадигму развития. Консерватизм отличается от этих идеологий не теми нормами, которые составляют его концептуальные основания, но ориентацией на альтернативную парадигму развития, генетическую³⁵. Это, в свою очередь, означает, что сущностной характеристикой консерватизма является последовательная ориентация на генетическую парадигму развития, на всемерное использование сложившихся предпосылок предшествующего исторического опыта, на рефлексию «коридоров возможного» и, наконец, на возвращение социальных институтов, обеспечивающих такое развитие.

Исходя из этой посылки выстраивание собственных концептуальных оснований консервативного подхода предполагает отказ от попыток следовать установкам, свойственным концепциям, названным С. Хантингтоном идеационными. Соответственно, искомый конструктивный ответ на методологические проблемы консервативной модернизации вряд ли возможен на

³² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

³³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. 2-е изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018.

³⁴ Хантингтон С. Консерватизм как идеология. С. 235.

³⁵ Более подробный анализ телеологической и генетической парадигм развития см.: Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

пути выстраивания идеологических и нормативных оснований, присущих идеационным концепциям, противостоящим отмеченной выше сущности консерватизма.

Этот тезис представляется крайне важным в связи с тем, что сложившаяся инерция социально-философского дискурса привела к тому, что консервативно ориентированные мыслители стремятся выработать априорные нормативные представления, типологически аналогичные тем, которые были сформулированы в рамках оппонирующих проектов. При этом, как показывают дискуссии с представителями консервативного лагеря, здесь даже не возникает нужды в методологической рефлексии на предмет соответствия выдвигаемых нормативных представлений самим фундаментальным основаниям консервативного дискурса.

Одновременно заметна тенденция выдвижения рассматриваемых нормативных оснований как прямой проекции консервативных философских размышлений без каких-либо попыток увязки с социальной реальностью. Так, достаточно часто встречаются соображения, связанные с опорой экономических институтов на традиционные ценности. При этом даже не рассматривается вопрос о том, в какой мере эти ценности «живы» – способны сегодня, здесь и сейчас, регулировать социальные отношения. Такого рода суждения существенно ослабляют аргументацию в пользу консервативной модернизации.

С учетом сказанного выше конструктивный проект, связанный с последовательной реализацией методологических оснований консервативного дискурса, предполагает соблюдение принципов генетической парадигмы, выявление социальных оснований процессов развития, опору на реально сложившиеся системы социального функционирования. Такой принцип, как представляется, позволяет преодолеть как отмеченные выше методологические проблемы и противоречия, так и следовать базовому генетическому ориентиру консерватизма, который часто отождествляют с ориентиром историческим. Именно генетический подход позволяет осуществить «понимающий» подход к выявлению тех факторов, которые задали конкретную конфигурацию соответствующего исторического процесса. Но генетический взгляд на исторический процесс влечет за собой и обращение к соответствующим теоретико-методологическим средствам.

Прежде всего меняется сам подход к пониманию того, что можно отнести к исторической норме. В отличие от нормативных оценок, порожденных идеологическими догмами, предлагаемый принцип ориентирован на анализ проблем и противоречий конкретного исторического процесса, т. е. на осмысленное погружение в контекст этого процесса.

Представляется, что сформулированным выше требованиям вполне отвечает концепция, которую автор предлагает назвать **«институциональный историзм»**. В качестве ориентира развития могут рассматриваться **«возможные»** траектории исторического развития, которые, с одной стороны, являются **допустимыми** с позиции совокупного влияния наличных институциональных факторов, а с другой, обеспечивают **оптимальное соотношение достижений и издержек развития**.

В этом названии отражается как роль институтов в формировании «коридоров возможного» исторического процесса, одной стороны, так и исторического процесса в формировании характера социальных институтов. В рамках этой концепции вполне обоснован фокус на развитии институтов. Это развитие способно выступать индикатором исторического развития, не привязанного с конкретной хронологии. Такой подход позволяет выявить типологически сходные проблемы развития, с которыми сталкивались страны, разделенные временем и пространством. В качестве примера можно привести то, как примерно близкими институциональными средствами решали в разных странах проблему создания и содержания дорогостоящей тяжело-вооруженной конницы. Практически всюду возникали институты, которые принято называть феодализмом. На держателей земельных наделов налагали сервитут, связанный с содержанием такого рода воинской единицы.

Обращение к институциональному развитию является также императивным для концепта, обращенного к модернизации, к выработке стратегии и методов, способных решать актуальные проблемы развития. Именно формирование адекватной институциональной среды является, как показывает опыт многих модернизационных проектов, ключевым условием успеха. Основная дискуссия между сторонниками различных модернизационных теоретических направлений как раз и состоит в том, как именно создать *адекватную* институциональную среду.

В основе концепта консервативной модернизации лежит идея, что опора на историзм, на генетическую парадигму развития позволяет формировать институциональную среду, которая соответствует условиям, обусловленным предшествующим социально-историческим развитием, с одной стороны, и требованиям, связанным с необходимостью решения актуальных проблем, с ответами на внешние и внутренние вызовы.

Включение в процесс рассмотрения «возможных» траекторий развития предполагает выявление «коридоров возможного», формирование которых обусловлено совокупностью наиболее существенных материальных, институциональных и социокультурных факторов.

Легко увидеть, что предлагаемый подход очень близок к концепции исторического материализма в ее исходной классической интерпретации. Ярким примером такого подхода является «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»³⁶. Следует обратить внимание, что в этой работе в числе факторов исторического процесса названы как интересы доминирующих политических сил, так и социокультурные стереотипы основных акторов этого процесса, прежде всего французского крестьянства.

При этом важно отметить, что дальнейшее развитие исторического материализма пошло по пути примитивизации структуры интересов действующих классов. Интересы верхов буржуазии были сведены к банальному стяжательству. Характеристики героев романов О. де Бальзака и других классиков критического реализма вполне заменяли социалистическим пропагандистам более реалистическую картину, описанную, например, Голсуорси³⁷.

Одновременно в соответствии с доктриной об исторической миссии пролетариата его реальный нравственно-этический характер был романтизирован и превознесен.

Сходство «институционального историзма» и исторического материализма, как представляется, состоит в том, что обе концепции обращены к сходным проблемам. Они задают близкие вопросы.

Можно сказать, что предлагаемый подход призван реализовать исходные притязания исторического материализма, освобожденного от его последующей доктринальной ограниченности. Как бы парадоксально это ни звучало, но исторический материализм в его исходных генетических методологических позициях оказывается вполне соотносимым с «институциональным историзмом», реализующим интенции исторически ориентированного консерватизма. Оба эти подхода изначально призваны выявлять «коридоры возможного» конкретного исторического процесса, ограждать соответствующий анализ от доктринальных и волюнтаристских вменений.

При таком институционально ориентированном рассмотрении исторического процесса также становится возможным и необходимым избежать иных контристорических вменений, критериев и оценок издержек развития, сформировавшихся в иную историческую эпоху с кардинально иными ценностями и представлениями. Так, например, в научных работах часто встречаются оценки действий исторических персонажей с позиций современных норм гуманизма и либерализма. При этом даже не рассматривается вопрос, откуда бы взялись соответствующие ценности и представления, например, у владельцев периода раннего Средне-

³⁶ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1957. Т. 8.

³⁷ Голсуорси Д. Конец главы. Трилогия. М.: ГИХЛ, 1961.

вековья, а также к каким бы результатам привели бы их действия, основанные на подобных представлениях.

Еще менее приемлемо широко сегодня распространенное вменение нравственно-этических норм исследователя в качестве критериев оценки исторического процесса. Это происходит под флагом борьбы с нравственным релятивизмом. Представляется, что подобное вменение мало укладывается в рассматриваемые концептуальные основания консервативных подходов. Да и с историческим анализом в его изначальном понимании это также мало совместимо³⁸.

«Институциональный историзм» призван создать, помимо всего прочего, теоретические основания для того, чтобы избежать институциональных анахронизмов. Предлагаемый интегративный подход к социальным процессам с его анализом взаимного соответствия регулятивных механизмов, с одной стороны, традиций, ценностей, норм и представлений, с другой, позволяет создать основу для соответствующей нравственно-этической оценки. Опорой в борьбе с нравственным релятивизмом становится «понимающий» анализ между позицией исследователя, с одной стороны, и нравственными представлениями, доминирующими в конкретных слоях общества и в конкретное время, с другой. Результаты такого анализа становятся также важным уроком исторической нравственной эволюции.

Вполне очевидно, что генетические ориентиры в конкретном историческом анализе обуславливают и достаточно определенную теоретико-дисциплинарную диспозицию.

В альтернативных консерватизму концепциях развития в центре внимания оказываются принципы и ценности, призванные выступать как нормами, так и критериями оценки осуществляемых преобразований, призывов и действий политических и государственных деятелей. Эта диспозиция задавала вполне конкретную дисциплинарную иерархию, на вершине которой стояли и отчасти по сию пору стоят социальные философы и «властители дум», задающие соответствующие концептуальные нормы и критерии.

Интеллектуальная, в первую очередь академическая среда, институты социализации, включая систему образования, редуцируют и тривиализируют эти нормы, превращают их в основания обыденного сознания и социального функционирования. Квинтэссенцию данного подхода выразил Борис Пастернак в описании роли В.И. Ленина: «Он управлял движеньем мысли и только потому страной»³⁹.

В рамках консервативной ориентации на генетические принципы развития в фокусе внимания оказывается качественно иная диспозиция. Ее основа – регулятивный характер реформируемых институтов и, соответственно, соотношение стимулирующего воздействия институциональных норм и ответная реакция разных слоев и групп на эти стимулы. Соответственно, при таком подходе существенно возрастает роль нравственно-этических оснований социальной жизни, которые, в свою очередь, определяют характер регулирующих возможностей конкретных институтов. Собственно, внимание к регулятивной роли нравственности и морали, формирующих их социальных (в т. ч. религиозных) институтов является важной существенной характеристикой консерватизма.

Здесь следует подчеркнуть, что важной концептуальной предпосылкой консервативной модернизации является гипотеза, что упрочение нравственно-этического фундамента социальных институтов способно обеспечить достаточно высокий регулятивный уровень действующих или модернизированных социальных институтов.

Реализация этой гипотезы позволяет обосновать отказ от императива идеологической мобилизации и, соответственно, избежать связанных с ней социально-политических и соци-

³⁸ Методологические проблемы современной исторической науки рассмотрены в: Экштут С. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003.

³⁹ Пастернак Б. Высокая болезнь // https://slova.org.ru/pasternak/viso_kayabolezn/

ально-экономических рисков. Более того, предложенная гипотеза является нравственным основанием всей концепции консервативной модернизации, т. к. позволяет рассчитывать, что соответствующая стратегия преобразований связана с меньшими жертвами и страданиями, чем реализация ее идеологически обоснованных альтернатив.

Предложенная концепция консервативной модернизации в существенной мере меняет диспозицию дисциплин, результаты которых создают основы стратегии консервативной модернизации. В ее рамках философия консерватизма, условно говоря, уступает свое место лидера социологической теории, призванной дать объяснительную макросоциальную схему рассматриваемых процессов развития и связанных с ними институциональных преобразований. Соответствующие теоретические схемы, в свою очередь, призваны создать основу для эмпирических исследований, выступающих каркасом для формирования конкретной стратегии консервативной модернизации.

В результате на первый план в процессе разработки стратегии выходят социологические концепции, предполагающие верификацию, в отличие от концепций, сторонники которых готовы удовольствоваться фальсификацией.

Это, в свою очередь, означает, что генетический подход предполагает обращение к спектру теоретико-методологических средств, которые обеспечивают имплементацию социологических инструментов. В этом смысле выстраивание собственных концептуальных оснований консерватизма является результатом социологического анализа, а не философских спекуляций. Отсутствие такого анализа выявляет причины трудностей в выработке общезначимых концептуальных оснований консерватизма.

Предлагаемое социологическое видение позволяет лучше понять, например, историческую ограниченность описанных выше критериев, которые сформулировал С. Хантингтон. Так, например, первый из них, связанный с религиозным основанием легитимации социального порядка, в условиях широкой секуляризации современных обществ требует новой интерпретации. Это, однако, не отменяет эмпирически фиксируемого влияния религиозных норм на формирование современных нравственно-этических представлений, которые в значительной мере обуславливают легитимацию существующего социального порядка.

Проблематизация и тем более потрясения этого порядка запускает отмеченный С. Хантингтоном процесс актуализации консервативных настроений, направленных на защиту социального порядка, обладающего легитимностью для значимых слоев и групп.

Аналогичный разбор может быть продолжен и в отношении других введенных выше критериев.

Уместно обратить внимание, что конкретный исторический анализ позволяет также отграничиться от охарактеризованных выше методологических противоречий мейнстримной социологии. Соответственно, необходимо переформатировать эти критерии в теоретико-методологические подходы, позволяющие создать основу для корректного социологического анализа, отвечающего как консервативной концептуализации, так и обеспечивающих преодоление методологических противоречий мейнстримной социологии.

Предлагаемый подход также отвечает ориентации на формирование собственных, специфических концепций консерватизма. Отказ от априорного негативистского отношения к альтернативным идеационным концепциям открывает возможность содержательного анализа теоретико-методического арсенала социологических направлений, развивавшихся под чуждым для консерватизма идеолого-методологическим влиянием. Здесь будет вполне продуктивным анализ результатов соответствующего влияния, его последующего элиминирования с тем, чтобы использовать продуктивные элементы предшествующего развития социологической науки для построения специфического консервативного проекта.

На такой концептуальной основе становится возможным переформатирование целого ряда концептов, сложившихся в мейнстримной социологии, использовать эти концепты для создания программы консервативной «понимающей социологии».

Консервативный дискурс: российские истоки

В данной работе целью автора не является обзор становления современного консервативного дискурса в России. Задача состоит в том, чтобы показать, что консервативный дискурс в нашей стране уже в достаточной мере созрел для того, чтобы стать концептуальной и теоретико-методологической основой для продвижений концепта консервативной модернизации.

Прежде всего необходимо отметить, что к концу 80-х годов прошлого века завершилось практически безоговорочное отвержение консерватизма как идеологии политического и экономического закабаления, апологии империализма⁴⁰. При этом довольно странно, что даже очень крупные теоретики, такие, например, как А.А. Галкин, не видели фундаментального противоречия между задачами некризисного общественно-политического развития, с одной стороны, и исключительной опоры на марксистскую методологию, концептуально пронизанную проблемами социально-политического конфликта, с другой.

Представляется вполне очевидным, что смена концептуальных приоритетов развития требует и переработки соответствующих концептуальных оснований. Эта переработка началась в период, когда были сняты идеологические табу, включая и критику либерализма, который к началу 1990-х годов стремился занять доминирующие позиции в общественном сознании.

Для нашего обсуждения важно отметить, что становление этого дискурса в его конструктивном и отнюдь не ретроградном виде длится уже более двух десятков лет. Важным этапом его становления стал обзор общественных изменений 1990-х гг. с позиций консервативного мыслителя, осуществленный историком, общественным и политическим деятелем В.А. Никоновым⁴¹. Этот развернутый обзор задает необходимые ориентиры для формирования рассматриваемых здесь концептуальных приоритетов.

В рамках анализа философии и политологии консерватизма издавна сложились два подхода: повествовательный и проблемный.

В рамках первого аналитики пытаются преодолеть концептуальную разобщенность консервативных мыслителей и описывают темпорально ориентированный процесс появления консервативных мыслителей, излагая их воззрения. Одной из фундированных работ этого направления, изданных в нашей стране в последние годы, можно назвать коллективную монографию «Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия» под редакцией Б.И. Макаренко⁴².

Отечественный социолог культуры Л.Г. Ионин показал, что консерватизм современен, если соотнести его задачи с актуальным общественным контекстом⁴³. Это принципиально важно, т. к. позволяет отграничить консервативную модернизацию от ретроградных искушений, связать ее с чрезвычайно актуальными задачами «российского прорыва», повышения национальной конкурентоспособности.

Следующим важным шагом стали усилия политологов, активно участвующих в политическом консультировании и партийном строительстве, соединить философские основания консерватизма с современными политическими практиками. В связи с этим следует выделить работы Ю.Е. Шувалова⁴⁴, Л.В. Полякова⁴⁵ и А.Ю. Зудина.

---

⁴⁰ Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. Л.: Наука, 1987.

⁴¹ Никонов В.А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. М., 1999.

⁴² Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия / под ред. Б.И. Макаренко. Центр политических технологий. М., 2015.

⁴³ Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М., 2010.

⁴⁴ Шувалов Ю.Е., Посадский А.В. Идеология российского консерватизма: основополагающие принципы и современные формы. М.: Изд-во Российского ин-та стратегических исследований, 2012.

⁴⁵ Поляков Л.В. Российский консерватизм: вызовы и ответы: М.: ИД ВШЭ, 2014.

Важно отметить совпадение исходных позиций Н.А Бердяева и Л.В. Полякова, который пишет: «...модернизация начинается с избавления от мифологического и сакрального мышления, с ментального и этического отрезвления и возвращения к правде и реалистичному отношению к действительности. Дальше уже появляется возможность формирования не утопии и новой идеологии, а образа будущего и стратегической программы, предполагающей наличие цели движения и дорожной карты»⁴⁶.

Параллельно с этими усилиями автор в своих предшествующих работах рассматривал проблемы методологических оснований стратегий развития: обновления самого концепта модернизации⁴⁷. Удалось показать, что развитие этого концепта за более чем полвека довольно далеко отошло от своих первоначальных истоков, включая непосредственную связь с идеологическими постулатами либерализма. На основе этого анализа был сделан вывод о том, что наиболее приемлемым вариантом для нашей страны является концепция «консервативной модернизации». Автор уже более десятка лет продвигает эту концепцию⁴⁸. В течение всего этого времени отстаивалась позиция, что консервативная модернизация является единственным концептуальным ориентиром, соответствующим отечественным реалиям.

Параллельно развернутое философско-политическое понимание консервативной модернизации предложил А.Ю. Зудин: «Идеология консервативной модернизации покоится на двух основаниях – она включает как ценности традиционного консерватизма, так и ценности современности. Традиционный консерватизм представлен ценностями семьи, коллективной идентичности, государства, ответственности, безопасности, уважением к частной собственности, пониманием значения “силы” в системе, которая основана на верховенстве права, признанием неустранимой потребности человека в абсолютных нравственных ценностях, основой которых выступает религия. Эпоха современности сделала равноправной основой человеческой цивилизации целое созвездие ценностей, связанных с “развитием”, – свободную личность, выбор и творчество, многообразие и ориентацию в будущее.

Идеология консервативной модернизации представляет собою такую форму соединения, при которой различные базовые ценности – вне зависимости от источника и обстоятельств своего происхождения – взаимно проникают и модифицируют друг друга. Участвующие в синтезе консервативные и либеральные ценности приобретают новые свойства. Консервативный модернизационный синтез обусловлен фундаментальным изменением самих условий человеческого существования в мире и востребован новым этапом глобального развития.

Консервативная формула перемен всегда конкретна: ее требуется определять каждый раз заново с учетом времени, пройденного пути и перспективных целей.

Круг ценностей и целей, которые нуждаются в приоритетном внимании, актуализации и реализации, не может быть определен заранее раз и навсегда. Определение конкретной формулы консервативных перемен – это всегда новый и ответственный политический выбор. Консервативная модернизация – это умные перемены»⁴⁹.

Эта обширная цитата показывает совпадение по многим аспектам приведенного выше авторского видения концепции консервативной модернизации, с одной стороны, и позиции видного политолога, с другой. Важно также и то, что эти согласующиеся между собой выводы получены исходя из разных дисциплинарных парадигм и подходов.

⁴⁶ Поляков Л. Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор? Декабрь 2015. См.: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_90_rus_poliakov_protege

⁴⁷ Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. Дискин И.Е. Кризис... И все же модернизация. М.: Европа, 2011. Дискин И.Е. Модернизация России: сохранится ли после 2012 года? М.: Европа, 2011. Дискин И.Е. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

⁴⁸ Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию.

⁴⁹ Зудин А.Ю. Очерки идеологии развития. Тетради по консерватизму // Альманах Фонда ИСЭПИ: № 2(2): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статьи. М.: Фонд ИСЭПИ, 2014.

Одновременно в нашей науке высказывались концепции и иного рода. Так, видный отечественный демограф А.Г. Вишневский представил свое видение советской модернизации как модернизации консервативной⁵⁰. Очевиден исходный посыл автора противостоять попыткам использовать советскую модернизацию в качестве примера успеха, образца для нового «прорыва».

В работе А.Г. Вишневого представлен обстоятельный анализ социально-экономических процессов в нашей стране. Этот материал не может быть просто отброшен при обсуждении концептуальных оснований консервативной модернизации. Его необходимо учитывать, но при условии введения «понимающего» анализа соответствующих процессов в контекст реально наличествовавших в тот период альтернатив. Тогда становится очевидным, что оценки характера советской модернизации основываются в этой весьма обстоятельной работе на современных ценностях и представлениях.

При включении же «понимающего» подхода станет заметна несостоятельность главной посылки автора о консервативной природе советской модернизации. Следует обратить внимание на то, что консервативную природу советской модернизации автор рассматривает в качестве неоспоримого довода для ее негативной оценки. Такая предзаданность сама по себе уже вызывает сомнение. Она возможна лишь при условии отказа от критерия *values free*, при априорном предположении, что либеральные ценности, лежащие в основе «правильной» модели модернизации, находятся вне исходного анализа.

Как представляется, работе также недостает важного измерения: соотношения идеологической телеологии, из которой исходили большевики в своей стратегии построения социализма, с одной стороны, и консервативных уступок требованиям практической жизни, с другой. Безусловно, анализ советских преобразований выявляет определенную консервативную компоненту, которая была связана с вынужденными уступками, которые делали власти под напором общественных реалий. Яркий пример таких уступок – введение в колхозах трудодня вместо существовавшего раньше уравнительного распределения.

Попытки же доказать, что в самой большевистской идеологии преобладают консервативные корни, вряд ли состоятельны. Телеологическая идея научного переустройства мира (во многом, как уже отмечалось, взамен телеологии религиозной) – фундамент марксизма, ортогональна генетическим ориентирам консерватизма. Тот, отмеченный в настоящей работе факт, что большевистская агитация обращалась к актуализированным консервативным ценностям большинства, вряд ли может стать аргументом для новой трактовки сущностного характера советской модели модернизации.

Столь подробный разбор этой работы обусловлен тем, что он позволяет увидеть те теоретико-методологические проблемы, которые возникают в рамках формирования консервативного дискурса.

Активные, зачастую разнонаправленные усилия исследователей по развитию консервативного дискурса привели к значительному результату. Еще десяток лет назад понятие «консервативная модернизация» воспринималось как оксюморон, как «жареный лед». Сегодня эти представления укоренились в экспертной и научной среде. Свидетельством этого является то, что за последнее время понятие «консервативная модернизация» не только стало часто использоваться, но и превратилось в определенный критерий, с которым соотносятся различные проблемы как современного, так и исторического развития.

В то же время читатель может оценить, что представленные выше суждения и определения еще далеки от возможностей их непосредственного использования в стратегическом планировании, в практике государственного управления. Они все же больше результат

---

⁵⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

философских аналитических построений, с трудом поддающихся эмпирической верификации, необходимой для построения прочных стратегических конструкций.

Несмотря на эти недостатки, обусловленные конкретным этапом проработки концепции, уже само обсуждение этого понятия в контексте анализа различных стратегий развития позволило показать, что именно «консервативная модернизация» отвечает необходимым требованиям. Здесь сказался не только и даже не столько содержательный анализ обсуждаемого концепта (его как раз в определенной мере и недостает), сколько кардинальные недостатки альтернативных концепций развития: либеральной и социалистической модернизаций.

В числе коренных недостатков этих концепций следует отметить их безусловную ориентацию на идеологически сформированные ориентиры, не подкрепленные эмпирически выверенными инструментами анализа. Да, идеологическая приверженность этих концептов развития ценностям свободы и гуманизма выглядит привлекательно, но высокомерное игнорирование социальных реалий адептами этих концепций девальвирует их исходные идеологические нарративы.

Слабость альтернативных концепций, связанных с либеральным доктринерством, обусловливает необходимость содержательного развития концепции «консервативной модернизации». Наша задача состоит в том, чтобы ее преимущества, выявленные в ходе анализа, подкрепили обоснованность исходного выбора.

Дальнейшее продвижение концепции «консервативной модернизации» не может ограничиваться противопоставлением наиболее распространенным догмам либерализма. Важно также проводить тщательное концептуальное разграничение и с теми ретроградами, которые пытаются представить себя последовательными консерваторами.

Смещение ретроградов и консерваторов, во-первых, выступает привычным инструментом наших оппонентов, что можно объяснить их невежеством, а в большинстве случаев просто злонамеренностью, желанием дискредитировать своих противников. Во-вторых, это смещение дезориентирует наших потенциальных сторонников, которые ищут пути решения проблем и в результате возникшей путаницы уходят в стан наших оппонентов. Эта путаница во многом мешает им понять, что лишь консервативные подходы способны к искомому решению.

Здесь важно усвоить исторический урок. Социальные силы, связанные с консервативными взглядами, не раз и не два были заражены ретроградством. Они слишком часто слабо осознавали необходимость перемен, опасались их и в результате не поддерживали тех подлинно консервативных лидеров, которые выступали за перемены, отвечавшие их же коренным интересам, так же как и их фундаментальным воззрениям. Как говорится, «своя своих не спознаша».

Самый яркий пример – трагедия П.А. Столыпина. Он и подобные ему лидеры, прежде всего Шарль де Голль, оказывались меж двух огней: ретрограды с одной стороны и либералы-революционеры – с другой.

Более того, уроки истории свидетельствуют, что часто складывается латентный альянс между ретроградами, заинтересованными в угрозах революции для оправдания своей незыблемой позиции, с одной стороны, и революционными радикалами, указывающими на то, что революция единственный метод устранения мастодонтов, блокирующих любое развитие, с другой. Взаимное усиление их позиций – высокий барьер на пути подлинно консервативного развития.

Усвоение этих уроков – необходимая предпосылка для укоренения консервативных ориентиров развития.

Предпосылки внутренней логики

Теперь необходимо сделать следующий шаг – рассмотреть требования к самой внутренней логике преобразований. Такое рассмотрение, освобожденное от предзаданного догматизма, позволит сформулировать теоретико-методологические требования к обновленной концепции модернизации.

Сначала важно определить, что понимается под преобразованиями в рамках рассматриваемой теоретической концепции. Прежде всего важно отграничиться от стереотипного понимания модернизации как реализации изначально намеченных целей. Именно в рамках этого достаточно устаревшего ее понимания лежит распространенная мантра о «догоняющей модернизации».

Эта мантра базируется на представлении о линейном характере общественного развития. Казалось бы, концепция стадий экономического роста давно ушла из теоретического дискурса. Но, может, из теории и ушла, но из общественного сознания и управленческой практики, как видно, не совсем. Следы соответствующего подхода видны практически на каждом шагу. Достаточно вспомнить постоянные сравнения различных показателей нашего развития с «уровнем развитых стран».

При этом следует отметить, что в рамках такого подхода вопрос о целях и задачах развития ставится довольно примитивно: «догоним и перегоним».

Действительно, не раз и даже не два таким образом ставились цели и задачи развития, общественных преобразований в целом. Но здесь нужно помнить и о результатах таких постановок, и об их цене⁵¹.

Кроме того, подобная постановка создает иллюзии практического подхода с постановкой конкретных показателей, характеризующих степень реализации поставленных задач. Кто бы спорил, без этого невозможны реалистические преобразования. Но главный вопрос: какова гарантия реалистичности преобразований, реализованных подобным образом?

Здесь важно понимать, что подобный подход доминирует в управленческой практике совсем не случайно. Во-первых, он маскирует недостаточную компетентность соответствующих управленцев. Задание априорных целей и индикаторов развития освобождает их от сложного анализа соответствующих проблем, требующего понимания комплекса факторов и условий развития, выделения из них реально значимых и на этой основе определения средств и инструментов регулирующего воздействия. Ниже мы более подробно остановимся на этой стороне модернизационных преобразований.

Во-вторых, этот подход выдается за программно-целевой. При этом игнорируется факт, что сформулированные таким образом цели индикаторы чаще всего не обеспечивают решения реальных проблем развития, прежде всего такой критически важной его составляющей, как конкурентоспособность государства. Автор уже не раз и не два приводил пример того, как решение предельно важной проблемы, как повышение инновационной компоненты развития подменяется введением таких локальных показателей, как количество патентов и «доля предприятий, участвующих в инновациях». Главное здесь то, что рост этих показателей совсем не однозначно ведет к инновационному развитию и к росту национальной конкурентоспособности.

При таком стереотипном подходе, использующем некие априорно взятые цели и задачи, чаще всего игнорируются исторические, социальные и экономические предпосылки, внешние и внутренние вызовы. Плата за это – высокие риски разного рода напряжений и кризисов.

---

⁵¹ Более подробно соответствующий круг проблем, включая теоретические подходы к модернизации, был ранее рассмотрен в: Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию.

Именно с этим обстоятельством связан тезис об иллюзорной практичности подобной логики развития. Здесь скорее действует стремление к упрощению работы бюрократической системы. Ее функции при столь «практичном» подходе больше сводятся к заполнению «клеточек» в спущенных сверху таблицах. Но нужно понимать, что платой за такую практичность станет «погоня за показателями», «натягивание отчетности» и тому подобные прелести бюрократического жития.

Если же выйти за рамки стереотипного псевдоинструментального подхода, то достаточно легко можно выявить более фундаментальные факторы, обуславливающие его глубокую укорененность. К ним прежде всего следует отнести телеологические ориентиры развития⁵².

Их главная характеристика – формирование целей развития и институциональных норм на основе идеологически обоснованных концепций. В рамках такой логики развития появляются, например, характеристики типа уровня обобществления производства или, напротив, задачи снижения уровня государственной собственности в экономике вне зависимости от эмпирически выверенных показателей эффективности.

При таком способе теоретического умозрения из моделей модернизации просто выбрасываются все подходы, основанные на альтернативном, генетическом, принципе развития. Его основной характеристикой выступает представление, что развитие связано с органичным взаимодействием целого комплекса институтов и социальных процессов.

Основной задачей стимулирования развития при подобном подходе является выявление и снижение уровня неизбежно возникающих противоречий. Фокус развития – повышение эффективности системы социальных институтов, опирающихся на реально существующие социально-экономические интересы различных слоев и групп, их ценности, нормы и интересы. При таком понимании цели развития формируются на основе анализа комплекса внешних и внутренних проблем и вызовов, выявления «коридоров возможного»⁵³. Вполне очевидно, что такой подход, основанный не на реализации «внешних» доктринальных конструкций, а сосредоточенный на «внутренних» проблемах и противоречиях развития, основан на кардинально ином видении последнего. Но это никоим образом не является основанием для исключения его из корпуса концепций, которые принято относить к «модернизационным», что, в свою очередь, предполагает преодоление устоявшихся стереотипов в отношении понятия «модернизация» и включение в него всего комплекса подходов, связанных с генетическими ориентирами развития.

Одновременно, учитывая значение проблемного видения для рассматриваемого подхода, представляется целесообразным включить такое видение в качестве критерия, позволяющего отграничить модернизационные модели, основанные лишь на телеологических принципах, от тех, что базируются на более широких основаниях.

Высказанные выше соображения позволяют сформулировать определение, которое, как представляется, больше соответствует ее существу: ***модернизация – это решение актуальных проблем развития, обусловленных предшествующим экономическими, социальными и культурными изменениями, внешними и внутренними вызовами и рисками.***

Такое определение отражает смысл процесса «осовременивания» и одновременно позволяет отграничиваться от вменения представлений о предзаданных ориентирах развития («догоняющая модернизация», «догоним и перегоним» и т. д.). В нем также отражены требования проблемного подхода, учета реальных процессов и ограничений развития.

При таком подходе в центр внимания выносятся проблема анализа вызовов и рисков, обуславливающих цели и задачи модернизации. В частности, яснее становится значение угроз «ловушки среднего уровня развития, утраты национальной конкурентоспособности, а также

---

⁵² Более подробно телеологические ориентиры развития рассмотрены в: Дискин И.Е. Альтернативы «российского прорыва».

⁵³ Пример такого анализа представлен в: Там же.

связанных с ними внутривнутриполитических напряжений и взрывов. Именно при таком проблемном подходе становится возможной интеграция целей и задач развития, а также используемых средств и инструментов, отвечающих требованиям сочетания телеологического и генетического подходов, которые были ранее нами рассмотрены⁵⁴.

Это, в частности, означает, что при таком подходе мы не отказываемся на национальном уровне от бенчмаркинга⁵⁵. Это очевидно, т. к. важной проблемой, которую, например, необходимо учитывать при определении целей и задач развития, является национальная конкурентоспособность. Соответственно, возможны и необходимы конкретные показатели, позволяющие определить требования обеспечения такой конкурентоспособности. Но при таком подходе в фокусе анализа оказываются не только цели и задачи, но и траектория движения к ним.

К сожалению, очень часто обоснование соответствующих траекторий, конкретные меры и институциональные преобразования оказываются обойденными вниманием. Так, например, анализ прогнозов экономического и социального развития нашей страны, подготавливаемых Министерством экономического развития РФ, показывает, что в этих документах недостаточно обосновывается траектория достижения представленных в них показателей.

Эти соображения важны в связи с тем, что существующая практика связана со всеми недостатками как генетического, так и телеологического подходов, без использования их преимуществ. Здесь вспоминается метафора критиков «евразийства», которые говорили о рисках получить Азиопу вместо Евразии⁵⁶.

---

⁵⁴ См.: Там же. С. 47–94.

⁵⁵ Бенчмаркинг (*англ.* Benchmarking) – сопоставительный анализ на основе эталонных показателей, это процесс определения, понимания и адаптации имеющихся примеров эффективного функционирования компании с целью улучшения собственной работы.

⁵⁶ Термин «Азиопа» принадлежит историку, публицисту, члену Временного правительства Павлу Милюкову. Он сомневался в продуктивности модных в начале XX века идей «Евразийства» как синтеза западной цивилизации и восточного варварства. Не может политика выстраиваться на бракосочетании деспотии и плюрализма, считал Милюков, и назвал такой альянс «Азиопой» // <https://otvet.mail.ru/question/14591181>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.